

**СОЦИОИДЕОЛОГИЯ СИСТЕМЫ ВЕЩЕЙ И ПОТРЕБЛЕНИЯ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ (Ж. БОДРИЙЯР)**

Научный руководитель: Хомич Е. В.

Двадцатый век ознаменовал собой радикальные перемены человеческого быта. Тенденция внедрения достижений фундаментальных и прикладных наук в промышленное производство была подхвачена бизнесом в самом начале прошлого столетия. Уже к концу 20-х годов эта мировая промышленная машина заработала на полную мощность, обслуживая сначала потребности мировых войн, после, гонку вооружений сверхдержав и параллельно с ней, (в большей степени это касается стран Западного мира) безгранично растущие потребности в удовлетворении материальных благ своих обществ, а потом, и глобального мира. Удобство и функциональность, дизайн и уникальность вещи, забота и выбор – вот лишь немногие «штампы» ушедшего века, которые незаметно перекочевали в нашу современность – столетие двадцать первое.

Большие перемены человечества не обходят стороной самого человека. Французский мыслитель Жан Бодрийяр посвятил свою интеллектуальную жизнь проблемам техногенной цивилизации и представил своё видение жизни человека в этом обществе. Философ настаивает на том, что главной характеристикой любой вещи современности становится ее функциональность: «Итак, функциональность вещи – это не запечатленность в ней какого-то реального труда, а приспособленность одной формы к другой (формы рукоятки – к форме руки), в которой устраняются, опускаются реальные трудовые процессы» [1, с. 45]. Все подчиняется этой безграничной власти формы, лишь она становится важной. Рукояти исчезают как мебельная фурнитура, двери и дверки открываются и закрываются сами, а достоинство автомобиля исчерпывается его эргономичностью. Отсутствие рукояти выражает все большую абстрактность вещи, она стремится к бесконечному самонивелированию. Исчезновение жеста, в конечном счете, приводит вещь просто к форме «сподручности». Вещь теперь не является продолжением человеческой руки, она не заменяет ее, а делает ее ненужной, отрицает ее. «Сподручность» вещей отрицает человеческую телесность, отбрасывая ее в ожидании обращенности к себе, декларируя стремление находится всегда рядом.

Для того чтобы зажечь свет, выключатель для руки уже не нужен, следовательно не нужен уже и сам человек. Сам «стиль» вещей определяется функциональностью их форм. «Становясь совершенной, форма отводит человеку роль стороннего созерцателя собственного могущества» [1, с. 47]. Мыслитель смело заявляет о факте совершения революции быта, а именно: вещи стали сложнее, чем действия человека по отношению к ним. Многие привычные жесты становятся ненужными, изменяется структура человеческой телесности, что несет за собой глубокие психофизиологические последствия.

Конкуренция с машиной, не простое занятие, ведь последняя создана человеком в стремлении к совершенству. Человек осознает свой предел, свою конечность. Здесь можно вспомнить старую притчу об иллюзионисте, создавшем сверхмашину и вынужденном двигаться неуклюже-механично, чтобы публика смогла отличить самого мастера от его творения. Человечество склонно верить не в реальность а в ее совершенную копию – симулякр. Последний успешно регулирует реальность и уже сам человек становится абстракцией по отношению к симулякру. «Перед лицом функциональной вещи он

оказывается дисфункционален, иррационально-субъективен; отныне он – пустая форма, открытая для любых функциональных мифов и любых фантазматических проекций, связанных с оглушительной эффективностью внешнего мира» [1, с. 49]. Зачарованность собственным могуществом и бессилие противостоять абстрактному творению собственной мысли напоминает ситуацию трагической гибели гигантского судна, плавно уходящего в морскую пучину в лучах кроваво-красного заката над водной гладью. А оцепеневший от ужаса трагедии и эстетического восторга, случайный наблюдатель, не в силах что-либо сделать.

Мы можем сказать, что человек сотворивший машину своим трудом, вынужден считаться со своим новым соседом, изменившим его не только внешне, но и внутренне. Производственная машина создает мнимое впечатление свободы, уникальности человека, и сама является мерилom, на которое должен равняться человек. Ареол любви и заботы, витающий в коннотации машины, свойственный прежде нашим близким и друзьям, погружает индивида в мир иллюзии и фантазмов. Его существование сводится в точку постоянного потребления и служения вещам.

«Став для нас лучшими друзьями, современные «умные вещи» во многом берут ответственность за наше собственное Я. В отличие от механических конвейеров прошлого, которые объективировали личность, превращая ее в деперсонализированный элемент производства, компьютер «субъективирует» человека» [2, с. 319]. Другими словами, ваша самость заключается в вашей технике и вещах, которыми вы владеете. Человек – это его вещи. А последние так норовят сбежать от вас в гонке неопределяющих различий, моды и недолговечного существования. Человеческая самость убегает вместе с этими вещами. Вопрос лишь в том, как долго индивид способен за ней гоняться.

1. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр // Пер. с фр. С. Зенкина. – М.: Рудомино, 1995. – 172 с.

2. Хомич, Е.В. Постантропологический кризис как ирония истории / Е.В. Хомич // Синтез философии, науки и культуры. К 80-летию академика В.С. Стёпина / ред. кол.: А.Н. Данилов (отв. ред.) [и др.] – Минск: БГУ, 2014. – С. 312-321.